

№1 МАРТ
1992

ЭТОТ НОМЕР
УЖЕ СТАЛ БИБЛИО.
ГРАФИЧЕСКОЙ РЕДКО.
СТЬЮ

Газет-то много – столько и не нужно. Все знают, как неприятны расплзающиеся пачки газет под шкафами, на подоконниках и холодильниках. И зачем день ги страчивались? – газеты или выбрасываются, или, в лучшем случае, вешаются в сортир. Новости, конечно, штука хоть и неприятная, но интересная; только в газетах напечатаны немного устаревшие новости – свежие уже известны из телевизора и радио. Новости недельной давности вызывают отвращение (если только читатель не пил эту неделю запоем). Интересны газеты разве что ушедших эпох. "Митьки-газета" куда более нужная вещь, чем какая-нибудь газета, по трем причинам:

1. Оформление. Это скорее не газета, а журнал, или даже произведение искусства. Сохранилась почтенная традиция делать журнал гораздо значительнее своего содержания. Таковы многие журналы начала века. Отчетливое для каждого обаяние этих изданий просто вынуждает читателя перелистывать и любоваться расположением текстов и неожиданностью оформления. Такие издания чаще всего делаются в убыток себе – в подарок читателю.

2. Содержание. Узнать правду о митьках можно только в этой газете.

3. Смысл. "Митьки-газета" – это газета, которая меньше озабочена тем, кто чего учудил, или как наше правительство сегодня лопухнулось и даже тем, куда это наш хлебушко подевался. Хотелось бы, чтобы новости нашей газеты сообщали зачем жить на свете, и зачем быть хорошим, и зачем растут цветы.

В Шинкарев

ЗАЧЕМ
ВАМ
НУЖНА
ЭТА
ГАЗЕТА.

1

ВЛАДИМИРУ ШАГИНУ – 60 лет

Владимир Шагин родился в 1932 году на корабле, идущем в Питер.

В.Ш. так говорит о своем детстве: „Был маленьким. Мечтал стать морским летчиком. Потом была война. Был эвакуирован на Волгу в Тетюши вместе с детьми сотрудников Академии Наук. В 1945 вернулся и поступил в СХШ (средняя художественная школа при Академии художеств)“. В СХШ подружился с Арефьевым и Шварцем. Полюбил импрессионистов. Преподаватель Подковырин сказал о моих работах: „Рисуешь, как Ренуар!“ В 1951 г. секретарь комсомола Ханин и его мать, преподаватель Ханина, устроили суд надо мной и исключили из комсомола за формализм. Когда отчисляли из СХШ, Илья Глазунов, учившийся в параллельной группе, сказал: „Мы еще посмотрим, кто из нас станет хорошим художником, а кто – плохим!“ На это я ответил: „Жизнь возьмет свое!“

После отчисления из СХШ, В.Ш. работает в кукольном театре, а в 52 году поступает в Таврическое училище. Занятия живописью сочетает с учебой у композитора Александра Катыхева по классу гитары. В 1954 году В.Ш. отчисляют с последнего курса Таврического училища за формализм.

С 1955 по 1959 годы В.Ш. ездит по всей стране в качестве музыканта Русского эстрадного ансамбля Госконцерта.

Выписка из „белого билета“:

„28. 10. 55. Призван на действительную военную службу Фрунзенским РВК. Признан негодным к службе по статье 8а группы 1 с исключением с воинского учета“.

В.Ш.: „Принес я свои работы показать полковнику Шинову, но он сказал, что нам такие художники не нужны и вручил мне „белый билет“.

В 1960 г. В.Ш. работает электромонтажником по укладке кабеля, а в 61 г. – грузчиком в Снабзапчасти.

Рассказывает Арефьев: „Я возвратился из заключения в 1959 г. и в 1961 г. у нас с Володей образовались совершенно новые отношения. Причина их – смерть Роальда Мандельштама, нашего ближайшего друга, с которым мы вели отношения еще с начала 50-х годов. Он погиб как герой в феврале 1961 г. Это было ударом. И я наложил на себя эпитимию: не спать, не пить, не есть. И мы с Вовой Шагиным стали битничать и ночевать в склепах на кладбище. Мы собирали пустые бутылки, банки, сдавали их в стеклотару и на это жили. А потом Володю арестовали“.

С 1962 по 1967 год В.Ш. сидел в спецпсихтюрьме КГБ. Там он создал большую серию тюремных рисунков, которые почти все пропали.

После освобождения жил у матери в пятиметровой комнате. По воскресеньям занимается живописью, в будние дни – тяжелая физическая работа. Выписка из трудовой книжки: „...1968–1978 – резчик полимерновиниловой бумаги в РОСПИЩЕПРОМРЕКЛАМЕ. В 1973 году награжден премией в размере 10 рублей за отличную работу с занесением в личное дело.“

Зимой 1974 года В.Ш. и Арефьев участвуют в выставке в ДК им. Газа. На этой выставке ректор Мухинского училища Лукин обозвал Арефьева и Владимира Шагина сумасшедшими и сказал: „Нам такие художники не нужны“.

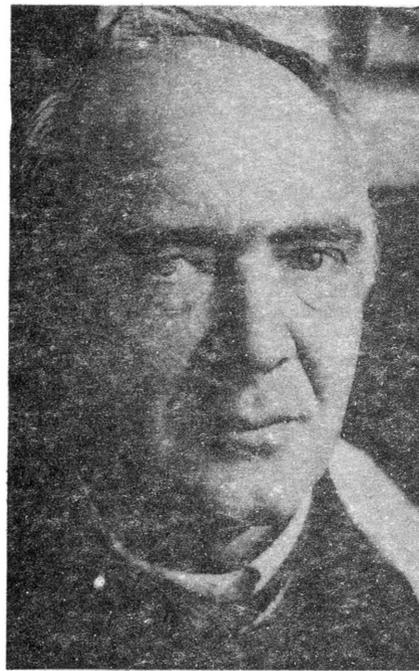
В конце 70-х годов В.Ш. отказался от предложения вступить в ЛОСХ.

В 1979 г. В.Ш. устроился художником в УНР-57 треста 105 ГЛАВЛЕНИНГРАДСТРОЯ. Но парторг стройки Набоков, увидев картины В.Ш. сказал: „Нам такие художники не нужны!“ С тех пор на работу его никуда не брали.

Прошло много лет. Картины В.Ш. – в лучших коллекциях и музеях, в том числе в Третьяковской галерее и Русском музее.

Владимир Шагин – самый любимый художник его учеников и последователей – Митьков.

Жизнь берет свое.

Дмитрий Шагин.

1987

ПАПУАС ИЗ ГОНДРАСА

Л. СТЕРН
«ВЕЛИКИЕ
ЛЮДИ НЕ НАП-
РАСНО ЛИШУТ
ТРАКТАТЫ О БОЛ-
ШИХ НОСАХ»

РИСУНКИ ФЛОРЕНСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФРАНЦУЗ X (с ожесточением, вроде: я тебе покажу кузькину мать!):
*Я научу вас любить жизнь!
(из какого-то кино)*

„Бывают дни, когда одна дурь в голове“. Р. Музиль

Мне лишнего эпиграфа не жалко:
„Великие люди не напрасно пишут трактаты о больших носах“.
Л. Стерн

Заточник Валерий Марус, придя домой с производства, даже не успев поесть и отдохнуть, зачастую включает в работу прибор ... нет, не прибор и не аппарат ... включает в работу машину, представляющую собой объемистую коробку с экраном. Назначение машины – воспроизводить на экране тяжелый и не интересный бред. Эта всем знакомая машина называется телевизор, ее можно увидеть в самом неумещем доме.

В описываемый период времени Валера каждый день приходит с работы чуть поддатый и смотрит многосерийный фильм. Иногда он пропускает целую серию, иногда застает только конец, иногда, ослепевший, вскидывает глаза на телевизор только при звуках выстрелов и громких криках. Случается, вероятно, что происходит домосливающее им в полудреме. Бывает, что он по ошибке смотрит другую программу.

Вот Валера включает телевизор и тяжело плюхается на раскладушку.

На экране – толпа людей в тельняшках и ватниках, с плакатами „stop the neutron bomb!“ (Митьки всегда будут в говне, англ.). Голос диктора за кадром: – Мощная волна ма-

знательного мужского населения Франции. 30 процентов хотели бы походить на широкий спектр популярных киноактеров и рокмузыкантов, причем большинство голосов получили Дэвид Бауи и Сильвестр Сталлоне.

Сейчас картина резко изменилась. Только 9 процентов французов довольны своей внешностью, а Сильвестра Сталлоне и иже с ним идеалом мужской красоты считает один процент. 90 процентов сознательного мужского населения мечтают быть похожими на Дмитрия Шагина. Желая вернуть себе утраченную популярность, такие известные в прошлом актеры, как Жан Луи Барро и Жан-Поль Бельмондо отрастили бороды полотой и подолгу лежат неподвижно, часто потребляя жирную пищу и пиво. Наш корреспондент на днях просил прокомментировать это явление известного публициста, философа, писателя и драматурга Жан-Поль Сартра.

КОРРЕСПОНДЕНТ (говорит в микрофон, стоя спиной к Жан-Поль Сартру, сидящему на раскладушке в углу роскошно обставленной залы. Жан-Поль Сартр слушает по кассетному магнитофону „Матросскую тишину“, притопывая валенками и помахивая кулаком): Новая мода стремительно захватила Париж. Лучшие аристократические клубы раскрывают своим членам двери только в том случае, если на них одеты тельняшки и ватники, да и в любой ресторан первого класса вас теперь вряд ли пустят без ватных штанов (поворачивается к Сартру). Мсье Сартр, разрешите задать вам несколько вопросов о...

САРТР (ласково рычит): А ты к интервьюшке-то хорошо подготовился?

КОРРЕСПОНДЕНТ: О, да! Я внимательно прочел ваш труд „Из экзистенциализма в говнище“ и хотел бы ...

САРТР (с некоторой тревогой): Дык я тебя спрашиваю, ты к интервьюшке-то хорошо подготовился?

КОРРЕСПОНДЕНТ (недоуменно молчит).

САРТР (с сильной тревогой): Как, совсем не подготовился? **КОРРЕСПОНДЕНТ** (внезапно все поняв, достает бутылку клошарского вина и учтиво подает Жан-Поль Сартру).

САРТР (с криком „от настоящей браток!“ вытаскивает зубами пробку, отмечает на бутылке ногтем какую-то черту и, запрокинув голову, пьет).

КОРРЕСПОНДЕНТ: Мсье Сартр, разрешите задать ... **САРТР** (ласково кладя руку на корреспондента): А за что ж ты так-то будешь потом говорить, что Сартрушка тебя обожрал ...

КОРРЕСПОНДЕНТ (берет бутылку и делает глоток). **САРТР** (с яростным криком „стой, гад!“ отбирает бутылку).

КОРРЕСПОНДЕНТ: Мсье Сартр! Разрешите ... **САРТР** (горько): Пришел в жопу пьяный, все выжрал ... (протягивая бутылку обратно корреспонденту) На! Полбутылки выжрал – так допивай уж всю до дна, коли так!..

Юрий Сенкевич: На этом разрешите попрощаться с вами, дорогие товарищи! и т.д.

Разумеется, я шучу. Ничего такого на самом деле не показывают. На самом деле на экране телевизора хорошо упитанный мужчина на фоне группы рабочих. Упитанный мужчина объясняет корреспонденту: – ...будут выполнены.

Голоса рабочих: Верно! Выполним!
Упитанный мужчина: Но главное у нас на производстве – помнить, что каждый человек – это личность.

Рабочие (повесив головушки): Верно. Лишность... (Совершенно верно, что рабочие, как, вероятно, и упитанный мужчина производят слово „личность“ от слова „лишний“.)

Валера переключает телевизор на третью программу.
– Не оставляйте надежды, маэстро, не убирайте ладоней со лба!
Допев, Окуджава молча сидит, улыбаясь.

нифестаций против бесчеловечности ... Валера, выматерившись, встает с раскладушки и переключает телевизор на другую программу.

Юрий Сенкевич: И в заключение нашей передачи интересный видеосюжет из Франции. Хочу предварить его любопытными данными опроса общественного мнения, которые приводит влиятельный буржуазный еженедельник „Монд“. В середине восьмидесятых годов на вопрос, хотят ли они на кого-нибудь походить отвечали отрицательно 70 процентов со-

— У меня вопрос! — звучит в зале. Окуджава, щурясь, ищет по залу говорившего.

— Да здесь, здесь! — раздраженно говорит женский голос — сектор 5.

Окуджава не может отыскать даже сектор 5 и публика начинает хихикать над его непонятливостью. Наконец находит.

— Булат Шалвович, — говорит девица штурмового вида лет пятнадцати, одетая тысячи на три, как почти все в зале, — я хочу спросить: почему Вы не поете острых песен?

Окуджава искренне веселится:

— Это каких же острых?

— Ну, таких, как например... у Боярского.

— Я не знал, что Боярский пишет ... острые песни.

— Спасибо. Булат Шалвович, а почему Вы не пишете про любовь?

— Вы знаете, я уже стар ... но я пишу только про любовь! (Ведущий смеется, приглашая этим посмеяться и всю молодежь.)

— У меня вопрос, сектор восемнадцать!

Снова канитель с поисками спрашивающего. Им оказывается юноша весь в цепях, в браслетах с цепями, парик из конских волос перехвачен ошейником:

— Булат, скажи, как ты относишься к „металлическим“ группам?

— Ну, мне приходилось видеть пару видеофильмов об английских „металлических“ группах, но ...

— Это совсем не то! — радостно кричит металлист, торопясь представить себя. — Я говорю про советское движение „металлистов“. Мы носим цепи потому, что в нашей стране много металла, потому что мы рабочие ... мы начали играть металлический рок гораздо раньше всех в мире!

— Нет, мне не приходилось слышать отечественного металлического рока.

Юноша надменно садится.

Ведущий, широко улыбаясь, благодарит Булата Шалвовича Окуджава за выступление, и тот под жидкие аплодисменты уходит. Ведущий сгоняет с лица улыбку и серьезно говорит:

— Дорогие друзья, я вижу, вы все любите музыку, ходите в дискотеку. Вы хотите современно одеваться, ведь так?

Из зала вразнобой: Так!

— Но посмотрите, как это иногда печально кончается.

Зал недоуменно хихикает. На большом экране залу показывают допрос, или скорее разговор с девушкой пятнадцати лет, учащейся ПТУ, домушницей.

— Маша, скажи, зачем тебе нужно было столько денег? Ведь только за последнее время ты ограбила двенадцать квартир. Маша сидит сгорбившись, спрятав лицо.

— Мне нужны были деньги... Я хотела хорошо одеваться.

— Вот почему ты ограбила столько квартир? Почему ты не пошла работать, не зарабатывала деньги честно?

— Столько заработать нельзя... Если бы я пошла работать, меня все бы обсмеяли на дискотеке...

— Но разве грабить квартиры, добывать деньги так нечестно можно?

— Нельзя... Я даже хотела работать, но меня еще не брали... А если плохо одеваться, с тобой никто и разговаривать не будет. (Маша плачет.)

Экран гаснет, ведущий обращается к залу.

— У нас в гостях Олег, знакомый Маши по дискотеке. Встань, Олег!

Поднимается штурмовик лет пятнадцати.

— Скажи, Олег, ты ведь знал Машу?

— Да, встречались на дискотеке.

— Она хорошо одевалась?

— Да, современно одевалась.

— А ты хорошо одеваешься?

— Ну, я стараюсь современно одеваться.

(Валере не кажется, что Олег хорошо одет, ему кажется, что эти надутые ватники, страшные брюки и сапоги должны стоить дешево, а последним криком моды Валера считает джинсы.)

— Олег, а где ты достаем деньги, чтобы хорошо одеваться. Ты ведь еще не работаешь?

— Ну, где все достают... Стараюсь экономить...

— Ты оправдываешь Машу?

— Нет. Зачем? Грабить квартиры нельзя... Конечно нужно современно одеваться... Но нельзя квартиры грабить.

— А тебе нравилась Маша?

— Нет. Хотя она и стала современно одеваться, она мне не нравилась. У меня выше интеллектуальный уровень.

Ведущий обрадованно:

— Вот! (внезапно подносит микрофон рядом сидящей девушке лет семнадцати) — А как Вы считаете, что важнее: интеллектуальный уровень или возможность хорошо одеваться?

— Ну... конечно... одеваться надо современно...

(Валере делается невтерпеж смотреть на всех этих сексапильных девочек, он переключает молодежную передачу и вот тут-то все и начинается.)

Дикторша: — Дорогие товарищи! Сегодня мы начинаем показ нового многосерийного телевизионного фильма „Папуас из Гондураса“, созданного кинематографистами города на Неве.

Сказав это, дикторша долго молчит, победно улыбаясь, будто она сама создала этот фильм. Потом долго показывают невыразительный титр: Многосерийный телевизионный фильм.

Валерий встает и ищет по комнате штопор. Вдруг из телевизора урезывает такая разбойничья музыка, что Валера опрометью подбегает и жадно смотрит на экран.

Титр: По заказу государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР.

Валерия не интересуется титр, он продолжает искать штопор. Найдя его, делает свое дело и, утирая губы, садится на раскладушку.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ. ОСТРОВИТАНИН

„Столько лет один, на острове — и ни минуты покоя! Нет, все-таки зря его не сожрали дикари...“
Ю.Нагибин

Стояла обычная для этих мест пасмурная погода. Ледяной ветер катил валы свинцового Средиземного моря на мрачный Лазурный берег. Моросил пронизывающий дождь.

Лорд Храм Хронь, расставив ноги, грузно стоял на террасе своего неприятного палатца и, насупив брови, напряженно глядел на море. Как всегда, он считал волны.

(К сожалению, почти любому зрителю ясна причина этого несколько парадоксального начала — съемки проводятся на берегу Финского залива. Лорд Хронь смотрит прямо на темный силуэт Кронштадта. Проплывают последние в сезоне теплоходы. Чайки, как черная бумага, ключьями носятся в воздухе.)

Но Валерий не замечает этого, не будем же придирааться и мы.)

Лорд Хронь, насчитавшись досыта, надвинул поглубже трюголку и пошагал по лужам домой. (Камера скользит по белесым камням террасы, изъеденным какой-то ржавчиной и мазутом. Звучит жуткая, настороженная музыка.)

БОРД ХРАМ ХРОНЬ

ПОДВАЛЬНАЯ

В общем, история будет о том,
Как, собирая окурки и пробки,
Мы обнаружили за кустом
Дверь в неприметной кирпичной подсобке.

Ржавым гвоздем ковыряли в замке
И кочергою в засове вертели,
Но появился с авоськой в руке
Дядя Володя из пятой котельной.

Он говорить от волнения не мог:
— Слушайте, дети, ужасную тайну!
Так получилось, что этот замок
Юным ребенком открыл я случайно.

Спрыгнув беспечно во влажную тьму,..
Принял впоследствии лютые муки...
Как я остался живым — не пойму —
Выпали зубы и скрючились руки.

Старые ящики, кучами хлам,
И пауки затянули окошки.
Безостановочно рыскают там
Страшные, дикие пестрые кошки!

Мы и решили — сегодня, на спор,
Эти нелепые слухи проверим!
После обеда спустились во двор,
Долго слонялись у запертой двери.

Двадцать минут мы прождали не зря
Между тюков и селедочных бочек —
От магазина к известным дверям
Плелся задумчиво водопроводчик.

Мы незаметно следили за ним.
Был он в ушанке и толстой фуфайке.
Он собирался ключом разводным
В страшном подвале затягивать гайки.

Грянет беда через пару минут!
Скрипнули ватой обитые двери...
— Стойте, не двигайтесь, вас разорвут
Страшные, дикие, пестрые звери!

Нет, не послушал, ключом повертел,
Мокрые валенки вытер о тряпку.
Тут же пятнистый котенок взлетел
Водопроводчику прямо на шапку.

Незамедлительно из темноты
Вышли рыча и хвостами мотая,
Кошки, котята и даже коты —
Страшная, дикая, пестрая стая.

Мы удивились — вот это храбрец!
Сев преспокойно на ящик у крана
Он из кармана достал огурец,
Вынул батон из другого кармана.

За голенищем нашелся пирог
И, наконец, мы запомнили точно,
Был из-за пазухи вынут сырок
Новенький, плавленьи, кисломолочный!

Ножик, газета, бутылка воды...
Плохо нам видно из щелочки узкой.
Славно поужинают коты
Водопроводчиком и закуской!

Нет, посмотрите, герой привстает,
Жив и здоров, не разорван на части.
Добрými пальцами пищу сует
Злобным чудовищам в красные пасти.

Оторопев от такой доброты
С водопроводчиком в темном подвале
Кошки, котята и даже коты,
Долго жевали, жевали, жевали...

С этих недавних и радостных пор,
Вместе с друзьями Сережей и Катей,
Мы регулярно выносим во двор
Сливки, сосиски и кильки в томате.

Миски облизаны, банки пусты
И улыбаются, сидя у двери,
Кошки, котята и даже коты —
Милые, добрые пестрые звери!

О.Флоренская
87-92 гг.

МИТЬКИ-
ДЕТЯМ !!!

Черновик писателя • В. Шичкарёв

Рис. В. Голубева

На полке лежат таблетки без упаковки рассыпью – антибиотики, транквилизаторы, желудочные – неизвестно, какие для чего. Иногда я их ем – вреда-то особого не будет...

Неизменность ^{дороже} ~~выше~~ жизни.
– Что нового?
– Слава Богу, ничего нового.

^{убажаемого и отчасти любимого мною}
„Это я – Эдичка” Лимонова напоминает мне то время, когда я работал геологом; ритм аналогичен геологическому маршруту – то однообразная ольха; то прекрасная, жаркая, медовая, жепственная земляничная поляна (красивая, большая, полная – как Моника Витти); то наткнешься на змею и весь день настроение испорчено.

А Эдичка, я погляжу, парень грамотный. Мучительно трудно ему ^{далось} ~~досталось~~ это идиотское название романа. (По французски он называется „Негры выбирают блондинов” или еще похлеще, с чем его и поздравляю.) Я об этом подумал к тому, что лучшие, по настоящему серьезные произведения имеют нейтральные, сдержанные названия – „Анна Каренина”, „Братья Карамазовы”.

И наоборот, такие ослепительные названия, как „Форель разбивает лед” и „Не погибнет” принадлежат не лучшим произведениям данных авторов. Не надо писать думно – все равно никто не читает.

Он подарил ей по пьянке столько своих лучших картин, что, не в силах обойтись без них, женился.

Он меня изнасиловал! И обидел!

Бапально сказано: или жизнь, или пьянство. Умоляю, вдумайтесь – какая же ~~трудно~~ ^{трудно} ~~достижимая~~ блестящая мысль здесь содержится.

Действительно: „Или-или”, как у Кьеркегора.

Или прекрасная, трудная вещь – жизнь.

Или прекрасная, трудная вещь – пьянство.

Ценность жизни значительно повысилась в моих глазах, но и ценность пьянства возросла. Они равны. Но, как кислота и щелочь – не совмещаются.

Пооплодирuem человеку, у которого хватило воли выбрать жизнь. И тому, кому хватило воли выбрать пьянство. И жалко того, кто пытается пить и жить.

Молодое поколение выбирает пейсы!

Десять тысяч копеек – это худо-бедно сто рублей.

Надоело узнавать правду.

~~Мне начало надоедать то, что предстоит узнать.~~
Я уже устал от того, что мне предстоит.

Мучительно, трудно я проснулся в метро:
– Это следующая? – спросил меня пьяный.
– Что?
– Скажите, это следующая остановка?
– Какая?
– Эта!
– Что „эта”?
– Эта остановка – следующая?

Рогозин стоял у туалета, освещенный светом из кухни. Живот его пульсировал под синей майкой.

– Во мне начинает появляться что-то человеческое, – хрипло сказал он.

– Ты чего тут?

– Во мне, – взволнованно повторил он, – начинает появляться нечто человеческое.

– Бабу, в смысле, хочешь?

– Дурак ты...

У Рогозина не было совести в хорошем смысле этого слова.

Героническая песня: „Дожить до рубанько”.

Отечественный мир (без панички)

Политика, известно, вещь стыдная. Экономика же лупит всех без разбора, равно и митьков, обращая их взоры к отложенным было дворничским метлам и учебникам отопительного дела. Оказавшись в зоне общественного интереса, митьки не могут не понимать, что перед интересующимися могут вставать немитьковские вопросы и об участии в забастовках с демонстрациями, и об отношении к буржуям с демократами или, наоборот, национальным патриотам с коммунистами. За ответами их вопросительные лица нет-нет и оборачиваются к основоположникам движения, которым неудобно не откликнуться.

В оценке политической и экономической ситуации отечества любому нормальному человеку (митьку) в первую очередь следует отказаться от логического, умственного метода, а обратиться к чувственному. Любой вариант логического рассуждения (с цифрами и фактами в руках) заманивает сперва в причудливый лабиринт, а после выводит напрямик в тупик. В этом легко убедиться, читая статьи экономистов, по какую бы сторону различных баррикад те ни находились.

Как логически можно объяснить то обстоятельство, что М. Горбачев, никогда не производивший впечатления шибко толкового братка, развалил за пяток лет систему, казавшуюся самой незыблемой на свете?

Никак.

Или рассказывают теперь по „телику“ и в газетах ужасы, что наше КПСС на миллиарды долларов подсобляло таким же хорькам в недоразвитых и прочих странах... и, вдруг, приходят демократишки, бедные, больные (типа) и, несмотря на КГБ, армию, выгуривают это КПСС из Кремля, Смольного, да еще ушучивают их валютные счета за границей.

Какою наукой это объясниме? Никакою!

Чувственно же все объясняется легко.

Вся политика происходит от причин неведомых, но чувствuously чувствительными людьми. Сразу, года с 85-го, стало ясно, что коммунистам теперь будет во всем непруха. Просто между пальцев будет все утекать и из рук вываливаться, за что ни схватись. Тогда же, и, наверное, самые толковые из их числа принялись за освоение капитала и пристройку его на сохранение в приличные места.

Сегодня нельзя не ощутить даже самым толстокожим гражданам, что „процесс в целом пошел“. И хоть анализ логический указывает на различные тупики и нежелание и тех и этих влиятельных сил способствовать прогрессу, но можно почувствовать (чуть разднув ноздри и вытарашив глаза), что зреют, подрастают совсем новые неучтенные, несосчитанные силы, которые вот-вот, подобно половодью, смоят все препоны и понесут, устремят всю нашу жизнь в гораздо более естественное русло...

— А жрать-то чего?! — вопит, нетерпеливо суча ногами, еще прилично одетый гражданин, сворачивая кулак, чтоб огреть кого-либо в очереди за гуманной помощью окружающего нас мира. При этом он имеет ввиду довольно разнообразную мясосодержащую (немитьковскую) пишу.

— А много жрать вредно! — категорически ему возражим. — И почему, раз ты голоден, еще не продал свою красивую куртку, согласно дозволению прозорливого начальства? А уже вопишь?! Продай, купи ватник, разницу употреби на потребу и свари в чане супчик. Которым супчиком накорми себя и совсем ослабших старушек (снеси знакомой старушке в термосе). Еще чего-нибудь поищи в комодке, чего продать и... думай, думай! Может заняться изготовле-

Рис. В. Голубева

нием конкурентоспособного гуталина или хоть разработать технологию...

* * *

Некоторые журналисты (в основном из начинающих) вдруг ужаснулись вопросом величия России. Стали задавать этот вопрос недорослям на улицах:

— В чем, по вашему, величие России?

А те, — Ни в чем!

— О! — сладострастно восклицают эти журналисты, спеша обозначить свое первенство в открытии и, как бы намекая на историзм своих интервью.

Успокойтесь, господа! Без паники. Величие России ничего не угрожает. Недорослям же теперь приготавливаются места дворничков и истопников (в прежнем смысле).

А Россия со своей никуда не подевавшейся культурой, со своей трагической и великой историей, со своим уникальным для всего мира поучительным, горьким опытом, остается самой пострадавшей и, стало быть, самой лучшей в мире страной, матерью-Родиной.

Виктор Тихомиров

Учредители – художники группы “МИТЬКИ”

Тираж 5000 экз.

Главный редактор Василий Голубев

Адрес: Санкт-Петербург, 192289, а/я 246

Отпечатано в МГП “ПОЛЭКС”

